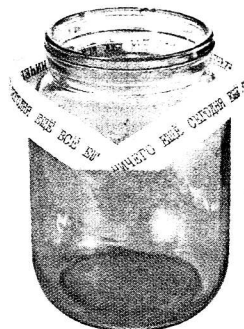

Präprintium

Государственная библиотека
Берлин

ПО НЕМЕЦКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКОМУ неологизму в названии выставки (Präprintium — что-то вроде «до(пред?)печатное») трудно понять, о чем пойдет речь. Но вполне внятный подзаголовок «Московские книги из самиздата» (знаете, как германцы называют наш самиздат? Der Samizdat!) на самом деле запутывает еще больше. Ведь в традиционном представлении самиздат — возможность коллективного инакомыслия, инакописания и инакочитания при помощи «Эрики», что берет четыре копии: прочти и передай товарищу. Именно такого рода словесной продукции посвящена, например, недавно вышедшая антология «Самиздат века» (см. «Итоги» № 23).

Präprintium свалил же в одну кучу самодельные поэтические сборники, фотокопии «ардисовского» Набокова, машинописные номера диссидентских альманахов, ИНИО-Новские рефераты «для служебного пользования», выгущенные «на средства автора» перестроечные брошюры (то есть самиздат в самом широком смысле слова) и объекты, альбомы, книги, журналы, почеркушки, созданные художниками и являющиеся, строго говоря, артефактами (то есть никакой не самиздат). Причем абсолютно самодостаточные, не предназначенные для распространения, а то и чтения артефакты своим количеством подавляют подпольные, но сугубо функциональные издания. Это понятно, поскольку кураторы выставки Георг Витте и Сабина Хенсен (в очередной раз скрывшиеся под артистическими псевдонимами Гюнтер Хирт и Саша Вондерс) — немецкие слависты, поэты и переводчики, уже пятнадцать лет тесно связанные с русской художественной средой, главным образом с кругом московского концептуализма. И выставка в Берлине (осенью переезжающая в Бремен) для них — еще одна попытка исследования и документирования именно «московского авангарда», а не просто всей неофициальной культуры.

И ЭТО ТОЖЕ «САМИЗДАТ»:
ОБЪЕКТ-СТИХОТВОРЕНИЕ
ВСЕВОЛОДА НЕКРАСОВА
«СЕГОДНЯ ЕЩЕ ВСЕ ЕЩЕ
НИЧЕГО ЕЩЕ»

Порожденная арт-проектом терминологическая путаница по отношению к альтернативному «книгоизданию» 60—80-х очень показательна. Понятно, что альбомы Ильи Кабакова, книжки Виктора Пивоварова, сборники Д. А. Пригова, карточки Льва Рубинштейна или тома «Поездок за город» (документация деятельности группы «Коллективные действия») самиздатом не являются — хотя бы по причине единства формы и содержания, как вырождалось советское литературоведение. В каноническом же

самиздате «преступное» содержание существеннее партизанской формы: качество и формат бумаги не влияли на восприятие какой-нибудь «Доктора Живаго».

Но к вещам Пивоварова и Кабакова неприменимо и обычное выражение «книга художника», которое восходит к французскому *livre d'artiste*, обозначающему сугубо коммерческий жанр малотиражного высококлассного дорогого издания (такие книги делали Матисс, Пикассо, Дали, в том числе наш соотечественник Илья Зданевич). Эксперты вообще отказывают России в наличии *livre d'artiste* по причине отсутствия рынка, профессиональных навыков, технической базы, специальных материалов и — главное — денег. Местные же попытки соответствовать этому жанру именуются книгами «рукотворными», «авторскими», «рукодельными» и даже «самодельными». Причем речь обычно идет уже о более отточенных экспериментах второй половины 80-х, а не о скромных опытах концептуалистов.

Так что немецким коллегам следует сказать спасибо за слово *präprintium* — очень красивый эвфемизм для обозначения неидентифицируемого товара. Огорчает, правда, что на выставке в берлинской библиотеке все наши «до(пред)печатные» книги были запакованы в герметичные стеклянные витрины, как будто неопознанные «чужие» угрожали сокровищнице германской мудрости. К тому же сами кураторы в каталоге сравнили артефакты с «естественнонаучными экспонатами». В общем, *der Samizdat...* ■

Федор Ромер